

Сальников Е.В.,

*начальник кафедры социально-философских дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
доктор философских наук, доцент*

**Научность юриспруденции: потерянная ценность, туманный концепт
и образовательная проблема**

В статье на примере юридической науке демонстрируется проблема гуманитарного знания в отечественной науке. Предметом рассмотрения является юриспруденция как отрасль научного знания. Опираясь на ряд работ, а также на результаты собственного анализа, автор показывает кризисные явления в юриспруденции, которые затрудняют реализация таких образовательных принципов как «обучение в научном познании» и «изучение науки». Автор показывает многообразие точек зрения по вопросу существенных характеристики научности юриспруденции. Статья завершается констатацией необходимости возвращения к философскому анализу специфики гуманитарных наук в целом и юриспруденции в частности.

Ключевые слова: наука, гуманитарные науки, юриспруденция, Р. Штаммлер, Э. Кассирер, В. Дильтей, ценность.

Salnikov E.V.

*chief of chair of social-philosophical disciplines
at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior,
doctor of sciences (philosophy), associate professor*

**Scientific character of jurisprudence: lost value, vague concept and
educational problem.**

The article demonstrates the problem of essential characteristics of the scientific nature of humanitarian knowledge in Russian science by the example of jurisprudence. The subject of consideration is law as a branch of scientific knowledge. Based on a number of works, as well as on the results of his own analysis, the author shows the crisis phenomena in law, which complicate the implementation of such educational principles as "learning in scientific knowledge" and "the study of science". The author shows a variety of points of view on the issue of essential characteristics of scientific jurisprudence. The article concludes with a statement of the need to return to the philosophical analysis of the specifics of the Humanities in General and jurisprudence in particular.

Keywords: science, humanities, law, R. Stammler, E. Cassirer, W. Dilthey, value.

Бурное развитие технологии в конце XX–начале XXI вв. имеет своим неотвратимым следствием трансформацию всей системы образования, переосмысление фундаментальных мировоззренческих принципов, на которых основывается образовательный процесс. Когда-то изобретение книгопечатания, формирование современных национальных государств и становление экспериментального естествознания стали важнейшими факторами трансформации образования и повлекли за собой становление педагогики нового типа. Ее последствиями стали обязательное среднее образование, формой реализации которого выступала школа, построенная по дидактическим принципам Я.А. Коменского А. Дистервега и ряда других выдающихся мыслителей, а также университет, построенный по модели А. фон Гумбольдта.

В терминологии видного отечественного исследователя А.О. Карпова данная трансформация знаменовала собой переход от модели Университета 1.0 как только образовательного института к модели Университет 2.0. – университет обучения и исследования[4]. Это классический университет, основанный на таких принципах, как Свобода преподавания и обучения(Lehr- und Lernfreiheit), Единство преподавания и исследования(Einheit von Lehre und Forschung), Единство гуманитарных и естественных наук(Einheit der Wissenschaft), Приоритет «чистой науки»(Bildung durch Wissenschaft, дословно «образование через науку»)перед специализированным профессиональным обучением(Ausbildung, Spezialschulmodell).

Как утверждает А.О. Карпов, сегодня от университета 2.0 мы переходим к университету 3.0, который помимо двух последних принимает на себя миссию социального и экономического развития [4]. Тем самым принцип единства преподавания и исследования, в рамках которого мы преподаем 1) именно науку, а не дисциплину и 2) преподаем не готовые истины, а преподаем, познавая эти истины вместе с обучающимися; дополняется еще 3) в творческом процессе создаем на базе знаний инновацию. Признавая в целом адекватность самой концепции реалиям развития системы образования, мы хотим в настоящей статье обратить внимание на то, что реализация модели университет 3.0. становится, соответственно, возможной только тогда, когда есть четкое понимание всех трех элементов.

Ранее мы уже писали о значительной неопределенности концепта инновации как элемента государственной политики [7]. Целый ряд представителей вузовской общественности открыто заявляет о нереализуемости модели познания через обучения в условиях действующих нормативов распределения учебной нагрузки и объема работ, выполняемого преподавателями, а также жесткой системой показателей научной деятельности, что в ряде случаев имеет своим негативным следствием падение уровня данной деятельности. При этом первый элемент триады – преподаем науку – не получает соизмеримого с остальными элементами внимания. В настоящей статье мы сфокусируемся именно на нем, чтобы на конкретном примере юриспруденции как науки показать все издержки не рефлексированного

отношения к первому принципу модели университет 3.0. Отраслью, на которой мы будем демонстрировать данную проблему, будет юриспруденция.

Начнем с фундаментальных для образовательного процесса и для самой юриспруденции положений – с действующего законодательства. Оно достаточно ясно говорит нам, что есть наука. В соответствии с ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23августа1996года № 127-ФЗ научная (научно-исследовательская) деятельность представляет собой деятельность, направленную на получение и применение новых знаний, в том числе:

- фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;
- прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;
- поисковые научные исследования – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ.

В развитии данного постулата мы имеем нормы Положения о порядке присуждения ученых степеней, согласно которому «диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» [3]. При этом обязательным требованием к данным работам выступает наличие в них новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, действующее законодательство видит ученого юриста как юриста-исследователя, решающего проблему и порождающего новое знание. Обучение юриспруденции через науку становится обучением, в рамках которого юрист-ученый проводит исследование, направленное на получение нового знания о праве, а юрист-студент ему в этом способствует.

Однаков юриспруденции подобный подход порождает серьезную проблему осознания того, что значит провести исследование и получить новые результаты. Если в естественных науках мы исследуем объективный мир и открываем его законы, то в отраслевых юридических науках мы исследуем существующие законы и механизмы правовой (законодательной) регуляции человеческих отношений и не открываем их законы. Юрист в лучшем случае может породить новизну в рамках формулирования предложения по оптимизации имеющихся уже правовых механизмов и институтов или введению новых. Отсюда открытием нового в юриспруденции становится что? – правильно, предложение по совершенствованию законодательства, породить которое считает для себя необходимым каждый из соискателей ученых степеней и широкую палитру которых мы наблюдаем в научно-квалификационных работах по юриспруденции. Аналогичный подход культивируется и применительно к студенческой науке. Достаточно упомянуть название одного из самых больших конкурсов для студентов юристов – «Моя законотворческая инициатива». В результате мы имеем «дисбаланс между растущим числом диссертаций и их вкладом в науку, размельчение проблематики» [2, с.69], общее падение уровня юридической науки [8; 9; 10].

Приведем показательный пример. В период с 2002 по 2018 год согласно официальным данным с портала Высшей аттестационной комиссии по тематике экстремизма в сфере юридических наук было защищено 29 диссертационных исследований, из числа которых 4 докторские и 25 кандидатских. При этом 11 диссертаций было защищено по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 2 диссертации по специальности 12.00.14 – Административное право; административный процесс. Помимо этого экстремизм рассматривался в теоретико-правовом и конституционно-правовом аспектах, а значительное число диссертаций было направлено на раскрытие уголовно-процессуальных и криминалистических вопросов противодействия данному противоправному явлению. Приводить полный перечень данных работ и их авторов нет необходимости в силу его доступности на сайте ВАК.

Анализ доступных авторефератов диссертационных исследований демонстрирует достаточно примечательную деталь: ни в одной из данных работ не высказывались идеи, подобные тем, что были приняты в декабре 2018 года, когда указом президента от 28 декабря 2018 года была введена административная преюдиция за отдельные наиболее частые составы экстремистской деятельности, пределы общественной дискуссии по вопросам толерантности были существенно расширены. В противоположность этому общим трендом юридических исследований экстремизма была не декриминализация, пусть и частичная, но, напротив, усиление уголовной ответственности, криминализация ряда дополнительных деяний. Ни в одной работе, даже административно-правовой, речь не шла об отказе от уголовной природы отдельных экстремистских деяний и о переводе их в деяния административно-правовые. Ситуация выглядит парадоксальной.

Эта ситуация является частным показателем тех сложностей, которые порождаются недостаточным осмыслением и пониманием того, что значит для юриспруденции быть наукой. Специфика этой гуманитарной дисциплины, позволяющая ей претендовать на научность, не просто игнорируется, но грубо попирается естественно-научным подходом. Между тем история гуманитаристики говорит о напряженном внимании к проблеме научности юриспруденции, которым характеризовался этап разработки основ гуманитарного знания.

Так, большое внимание вопросам научности юриспруденции уделялось в философии жизни. Уже на первых страницах своей работы «Введение в науки о духе» В. Дильтей пишет: «В моей работе меня мучили вопросы, которые, надо думать, глубоко тревожат всякого думающего историка, юриста или политика. Так сами собой созрели у меня и потребность, и план обоснования наук о духе. Какова система положений, на которую в равной мере опираются и в которой получают надежное обоснование суждения историка, выводы экономиста, концепции правоведа?» [1, с.272]

Далее немецкий философ последовательно обосновывает право на существование отдельной отрасли научного знания – наук о духе, но при этом утверждаются два важных ограничения. Во-первых, наука для В. Дильтея вовсе не сводится к научно-исследовательской деятельности. Наука для него есть совокупность фактов духовного порядка, являющая собой «совокупность положений, где элементами являются понятия, то есть вполне определенные, в любом смысловом контексте постоянные и общезначимые выражения; где сочетания понятий обоснованы; где, наконец, в целях сообщения знаний каждая часть приводится в связь с целым, поскольку либо составной фрагмент действительности благодаря этой связи положений начинает мыслиться в своей полноте, либо определенная отрасль человеческой деятельности достигает упорядоченности» [1, с. 279-280]. Подобный подход вполне соответствует современной сути юриспруденции, но никак не стыкуется с заявленным в законодательстве пониманием науки.

Во-вторых, В. Дильтей обосновывает юриспруденцию как гуманитарную науку через ее обращенность к постижению духа. Право для немецкого философа выступает «исключительно в форме императивов, за которыми стоит некоторая стремящаяся к их утверждению воля. Последняя же есть некая общая, или единая, воля некоторой общности» [1, с. 331-332]. Тем самым научность права Дильтей видит отнюдь не в рассмотрении налично данного позитивного права, а в проникновении в некоторую сущность права. В этом смысле он критикует концепт «естественного права» только в том отношении, что его истолкование в метафизическом смысле в античности и в средние века затемняло истинное постижение права, вырывало право из исторического и культурного контекстов, рассматривало изолировано от жизни воли. Но сам принцип обращенности познания в праве как науке на некую сущностную характеристику права как такового Дильтей сохраняет в полной мере. Он пишет: «Разрешение проблемы, сформулированной естественным правом,

возможно только в контексте позитивных правовых наук. Со своей стороны, последние могут прийти к ясному осознанию того, как используемые ими абстракции относятся к действительности, только в том случае, если будут опираться на основоположения теоретико-познавательной науки, устанавливающей связи понятий и положений позитивных правовых наук с понятиями и положениями психологии и психофизиологии. Отсюда следует, что не существует никакой особой философии права, что решить эту задачу под силу скорее философски обоснованной совокупности позитивных наук о духе. Последнее, однако, не отменяет того обстоятельства, что с точки зрения разделения труда и в учебных целях представляется полезным, чтобы задача общей науки права вновь и вновь решалась также и в форме естественного права» [1, с. 356]. Признаем, что подобный подход совершенно не свойственен современной юридической науке, которая отказывает в подлинной научности философско-правовым изысканиям, изгоняя их из сферы юриспруденции в сферу философии. С позиций Дильтея, это означает не менее, чем утрату собственного научного статуса.

В рамках марбургской школы неокантианства вопрос о характере научности права мы наблюдаем у Э. Кассирера, Р. Штаммлера и спорадически у П. Наторпа. С позиций Э. Кассирера, право как наука есть не что иное, как правильно описанная функция, истолкование символической формы восприятия реальности, каковой в данном случае выступает право. Наука о праве из учения о рациональном познании универсальных объективных законов права, идентичных по своей природе законам математики, становится способом описания. Объективное существование самих законов не ставится во главу угла, речь не идет об объективной сущности права, существующей вне способа его познания. Для Кассирера такое понимание научности юриспруденции устарело, оно относится к эпохе просвещения, а зачинателем этой традиции выступает Г. Гроций, вклад которого философ характеризует следующими словами:

«Власти права достигают того же, что и естественные науки достиг Галилей. Обозначение источника знания о праве, который не происходит из божественного откровения, а обретает доказательства в себе самом, в своей собственной «природе», и благодаря этой природе избегает искажения и фальсификации. Подобно тому как Галилей

утверждает и защищает автономию математической физики, точно так же Гроций отстаивает автономию законодательства» [5, с. 267]. Однако же после И. Канта и основоположения гуманитарных наук в неокантианских штудиях, мы приходим к более точному пониманию научности права. В соответствии с ним, законы становятся реальными только в том случае, если представлены определенным способом. Наука о праве становится предписанным истолкованием – символической формой [6].

Близким образом полагает юридическую науку Р. Штаммлер. Ее научность задается не объективным существованием законов, но порождается приложением к миру априорных форм, позволяющих воспринять правовые явления. Любое желание, потребность, склонность должно быть рассмотрено в рамках соотношения средства и цели. Именно этим наложением априорного концепта средств и цели мы выводим правовое суждение из разряда субъективно психологических действий (право и правомерное есть то, что хорошо для меня) и задаем научное измерение. При этом его априорность права не есть содержательная идея, но есть априорная форма, задающая научность и в конечном итоге позволяющая сформулировать Р. Штаммлеру свою концепцию «естественного права с меняющимся содержанием» [11, S. 177-178].

Взгляд на правовую науку как исследовательскую деятельность, в ходе которой происходит познание системы общественных отношений и их отражение в праве, господствующий в отечественной юриспруденции в наши дни, таким образом, отнюдь не является универсальным. Более того, подобное понимание правовой науки возникло в рамках определенного философского подхода – марксистского понимания права. Именно в рамках творческого осмысления марксизма применительно к юриспруденции сформировалось воззрение, согласно которому объектом юридических исследований всегда будут являться общественные отношения. Однако с отказом от построения общества развитого социализма данный подход также становится чуждым современной юриспруденции. Сегодня юриспруденция не исследует классовые отношения, вырабатывая те нормы права, которые будут наиболее адекватны замыслу построения коммунизма и переходу к бесклассовому обществу, где исчезнет само право. Сегодня целевой идеи права либо нет, либо неким смысловым ее центром выступает концепция прав и свобод человека.

Таким образом, проблемы реализации модели университета 3.0. в современном юридическом образовании определены в значительной мере неопределенностью того, что понимается под наукой права. Мы с удивлением обнаруживаем, что преподаем то, суть чего мы не понимаем. Преподавание права вещь ясная, а вот концепт юриспруденции как науки не просто туманен для большинства отечественных преподавателей-юристов, он не осмыслен вообще. В этой ситуации становятся понятными истоки кризиса юридической науки, он порожден непониманием того, чем занимаются ученые юристы и кто они есть как ученые, в отличие от «неученых» правоведов и практикующих юристов. В отечественной научной мысли сам концепт гуманитарной науки можно признать утратившим ценность. Ему не уделяется должного внимания. Наука перестала быть ценностью и стала обыденностью.

Есть все основания полагать, что подобные трудности испытывает не исключительно юридическая наука. Они свойственны широкому спектру областей гуманитарного знания. Это порождает необходимость возврата к

осмыслению гуманитарных наук, без которого результативная и эффективная трансформация образования оказывается совершенно невозможной.

Список литературы

1. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С.270-730.
2. Интервью с А.Ю. Шумиловым. //Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1. С. 68-70.
3. О порядке присуждения ученых степеней. - Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 N 842. – Консультант плюс (действующая редакция).
4. Карпов А.О. Университеты в обществе знания: теория творческих пространств. //Вопросы философии. 2018. - № 1.
5. Кассирер Э. Философия Просвещения. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 400 с.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
7. Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Инновации как концепт государственной политики Российской Федерации. //Инновации. 2018. - № 8. С. 74-79.
8. Синченко Г.Ч. Логика диссертации. – М., 2015.
9. Синченко Г.Ч. Язык права. Призрак многослойности. //Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4.
10. Синченко Г.Ч. Язык права. Статья II. Терминологический ажиотаж. //Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1. - С. 63
11. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. – Berlin, 1902.

References

1. Dilteij V. Sobranie sochinenij v 6 tt. Pod red. A.V.Mihajlova i N.S. Plotnikova. T. 1: Vvedenie v nauki o duhe / Per. s nem. Podred. V.C. Malahova. - M.: Dom intellektual'noj knigi, 2000. S.270-730.
2. Intervyu s A.Yu. Shumilovym. //Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2011. № 1. S. 68-70.
3. O poryadke prisuzhdeniya uchenyh stepenej. – PostanovleniePravitel'stva RF ot 24.09.2013 N 842. – Konsul'tant plyus (dejstvuyushchayaredakciya).
4. Karpov A.O. Universitety v obshchestve znaniya: teoriyatvorcheskih prostranstv. //Voprosy filosofii. 2018. - № 1.
5. Kassirer E. Filosofiya Prosveshcheniya. – M.: Rossijskayapoliticheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2004. – 400 s.

6. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk*M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
7. Salnikov E.V., Salnikova I.N. *Innovacii kak concept gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii. //Innovacii. 2018. - № 8. S.74-79.*
8. Sinchenko G.CH. *Logika dissertacii. – M., 2015.*
9. Sinchenko G.CH. *Yazyk prava. Prizrak mnogoslownosti.//Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 4.*
10. Sinchenko G.CH. *Yazyk prava. Stat'ya II. Terminologicheskij azhiotazh. //Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 1. - S. 63*
11. Stammler R. *Die Lehre von dem richtigen Rechte. – Berlin, 1902.*